
СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Когда этот номер уже готовился в печать, пришло печальное известие: Игорь Семенович Кон, один из основоположников исторической психологии и социологии в СССР, скончался, не дожив меньше месяца до своего 83-летия. Таким образом, предстоящая публикация, к огромному нашему сожалению, становится посмертной. Он обещал подготовить для ИПСИ серию новых статей, и очень грустно сознавать, что в дальнейшем тексты этого корифея отечественной науки мы сможем публиковать только в рубрике «Наследие»...

И. С. КОН

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ ДЕТЕЙ В РОССИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ*

В связи со всемирной кампанией за запрет телесных наказаний детей особую актуальность приобретает их сравнительно-исторический анализ. В статье прослеживается историческая динамика соответствующих практик и отношения к ним в России.

Ключевые слова: телесные наказания, насилие над детьми, дисциплина, права ребенка.

Любое телесное наказание детей является нарушением их основных прав на человеческое достоинство и физическую неприкосновенность. Тот факт, что эти телесные наказания по-прежнему остаются законными в ряде государств, нарушает основополагающее право детей на такую юридическую защиту, как и у взрослых. В европейских обществах запрещено бить людей, а дети – это люди. Необходимо положить конец общественной и правовой приемлемости телесных наказаний детей.

Из Рекомендации ПАСЕ 1666 (2004)

* Работа подготовлена с помощью гранта РГНФ 08-06-000001а и Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

Совет Европы и ООН добиваются полного запрещения телесных наказаний детей, считая их не формой воспитательного воздействия, а нарушением прав ребенка и физическим насилием над ним. Эта тема широко обсуждается и в России. По данным Комитета Государственной Думы по делам женщин, семьи и молодежи (2001 год), в России около 2 млн. детей в возрасте до 14 лет ежегодно подвергаются избиению в семье. Более 50 тысяч таких ребят убегают из дома. При этом мальчиков бьют в три раза чаще, чем девочек. Две трети избитых – дошкольники. 10 % зверски избитых и помещенных в стационар детей умирают.

По данным опросов правозащитных организаций, около 60 % детей сталкиваются с насилием в семье, а 30 % – в школах. Уголовная статистика отражает лишь 5–10 % реального количества избиений (Гетманский, Коньгина 2004). Согласно государственному докладу «О положении детей в Российской Федерации», в 2004 году было зарегистрировано около 50 тысяч преступлений против несовершеннолетних, более 2000 детей ежегодно погибают в результате убийств и от тяжелых телесных повреждений. По оценкам разных авторов, распространенность случаев насилия над детьми составляет от 3 % до 30 % (Волкова 2008). По данным президента Д. А. Медведева («Коммерсантъ» № 46(4101) от 17.03.2009), в 2008 году жертвами насилия в России стали 126 тысяч детей, из которых 1914 детей погибли, 12,5 тысяч числятся в розыске. Потенциальными жертвами насилия считаются еще 760 тысяч детей, которые живут в социально опасных условиях. Проблема, по мнению президента, «выходит за рамки собственно правоохранительной деятельности».

Телесные наказания – часть этой проблемы. К. Григорьев (2006) приводит такие цифры: уровень применения физических наказаний в российских семьях составляет от 50 до 95 %, не менее 5 % детей постоянно испытывают физические оскорбления – пощечины, тычки, подзатыльники. Насколько обоснована эта страшная статистика?

Отношение к телесным наказаниям – проблема не только социально-педагогическая, но и религиозно-философская. Некоторые древние цивилизации и религии, включая иудаизм и христианство, считали суровые, в том числе физические, наказания детей не только полезными, но и обязательными. Другие религии этого не требовали, но практически детей били везде. «В воспитательных це-

лях» или просто потому, что дети – естественные жертвы, на которых взрослые вымещают собственное раздражение.

Сразу же возникают и терминологические вопросы, в частности соотношение понятий «наказание» и «насилие». Наиболее распространенный бытовой эквивалент телесного (физического) наказания – русское слово «порка» или английское «спанкинг» (spanking). Но порка (ремнем, плетью или каким-то другим предметом) отличается от шлепанья (голой ладонью), тогда как спанкинг включает оба значения.

Одобрение или осуждение телесных наказаний часто ставят в зависимость от степени их жестокости (наличие рубцов, крови и т. п.) или от того, кто их осуществляет: порка учителем – недопустимое насилие, а родительская порка – проявление заботы. В обоих случаях значение имеют не только мотивы действующих лиц, но и социальные установки и ценности многочисленных третьих лиц, включая пресловутую «княгиню Марью Алексевну».

Никакие психолого-социологические обследования и опросы не дадут нам достоверных знаний ни о степени распространенности, ни тем более о кратко- и долгосрочных последствиях телесных наказаний без детальной, включая гендерный аспект, антропологии и истории повседневности. Семейная дисциплина и наказания детей неразрывно связаны с принятым в данном обществе нормативным порядком и образом человека как личности (Кон 2003).

В России эта тема плохо изучена не потому, что здесь не было телесных наказаний или их не обсуждали. Наоборот! Даже после отмены крепостного права в России порке подвергались не только дети, но и многие категории взрослого населения. Это одна из острейших социально-политических проблем русского XIX века, и ей посвящена огромная дореволюционная научная литература (Жбанков, Яковенко 1899; Евреинов 1994 [1917] и др.). Однако в советское время, после того, как телесные наказания в школе были формально запрещены, тему сочли теоретически исчерпанной и фактически закрыли. В солидных международных электронных базах данных о телесных наказаниях (например, www.cogrun.com) Россия либо полностью отсутствует, либо представлена случайными анекдотами. Между тем источников здесь не меньше, чем на Западе, и они столь же разнообразны, односторонни и противоречивы.

Во-первых, это педагогические трактаты и религиозно-нравственные наставления, как *надо* воспитывать детей. Во-вторых,

общие работы по истории школы, семьи и воспитания. В-третьих, многочисленные дневники, мемуары и воспоминания детства. В-четвертых, художественная литература о детстве, вроде «Очерков бурсы» или «Детства Темы», в основе которой обычно лежат отредактированные и дополненные фантазиями личные воспоминания авторов (то же самое делают мемуаристы). В-пятых, официальные документы, инструкции, судебные дела и ведомственные отчеты, начиная со знаменитого отчета, составленного по заданию попечителя учебного округа знаменитого хирурга Н. И. Пирогова (1810–1881), и кончая современными государственными отчетами о положении детства в России. В-шестых, появившиеся в 1990-х годах специально посвященные этой теме массовые репрезентативные опросы общественного мнения. Это «всесоюзный» опрос ВЦИОМ в 1992 году (сразу после ликвидации СССР); национальные опросы Левада-центра в 2000 и 2004 годах; национальные опросы Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) в 2004 и 2008 годах; национальный опрос Исследовательского центра портала SuperJob.ru в 2008 году; опрос, проведенный в 2009 году Центром оперативных и прикладных исследований Института социологии РАН по заказу Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Плюс многочисленные региональные и тематические опросы.

Данные профессиональных опросов кажутся более надежными, чем ведомственная статистика и личные нарративы. Увы! Выборки и вопросы разных исследований не вполне сопоставимы. В одном случае респондентов спрашивают о «детях» вообще, в другом – о школьниках, в третьем – о подростках старше 13–14 лет. В одних анкетах речь идет о семье, в других – о школе. Одни интересуются установками и мнениями респондентов, другие – их собственным прошлым опытом. Не всегда различаются виды телесных наказаний, их социально-педагогический контекст: кто имеет право или обязанность эти наказания осуществлять? «Физически наказывать» и «пороть» – не совсем одно и то же. Систематических корреляций с полом, возрастом, когортной принадлежностью и социально-демографическими характеристиками респондентов, как правило, нет. Особенно слабо представлен гендерный аспект: кто (папы или мамы) и кого (мальчиков или девочек) чаще порет и/или считает это справедливым и полезным, обычно остается неясным.

Еще один источник, появившийся в последние годы, – разнообразные интернет-сайты, целиком посвященные спанкингу. Диапазон их очень широк: от более или менее откровенной порнографии

до вполне корректного и серьезного обмена личным опытом и суждениями членов довольно многочисленного законопослушного БДСМ-сообщества¹. Правилами форума клуба «Преступление и наказание» запрещены «любые проявления национальной, расовой, политической или религиозной вражды, унижение национального достоинства, пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности лиц по признаку их отношения к религии, национальной, территориальной, государственной или расовой принадлежности... Публикация фото-, видео-, аудиозаписей наказаний реальных детей и детской порнографии во всех разделах форума запрещена. Обнародование ссылки и запрос на публикацию (поиск) приравнивается к публикации. Исключения составляют сцены из кинофильмов, не относящихся к категории “только для взрослых”, и фото, опубликованные в открытой печати».

Поскольку это общение анонимно, установить когортные и прочие характеристики собеседников и отличить рассказ о реально пережитом личном опыте от эротических фантазий довольно трудно. Тем не менее это важный источник сведений, не уступающий по ценности мемуарам и беллетристике. В данной статье я цитирую тексты, которые кажутся мне аутентичными, не делая ссылок на конкретные сайты, чтобы избежать упреков в пропаганде садомазохизма и «нехороших» сайтов и вместе с тем – не привлекать внимание правоохранительных органов к имеющим бесспорное право на существование маргинальным сексуальным субкультурам.

Исторические истоки

В дореволюционной России телесные наказания издавна были массовыми и очень жестокими. Крепостной строй и самодержавие позволяли пороть и даже забивать насмерть не только преступников и детей, но и взрослых мужчин и женщин, причем ни каратели, ни жертвы ничего противоестественного и унижительного в этом не видели. Дискутировались лишь: а) вопрос о допустимой *мере жестокости*, понимаемой как «строгость», и б) *сословные привилегии*. Древнерусское право практически не делало в этом отношении сословных различий (Schrader 2002). «Торговой казни» (публичному сечению) и битью батогами подвергались и высшие духовные особы, и занимавшие высокие государственные должности светские

¹ Аббревиатура БДСМ обозначает бондаж (связывание), дисциплина, садизм и мазохизм. Подробнее см.: Кон б. г.

чины; таким «подбатожным» равенством сословий особенно отличалась эпоха Петра Великого. Привилегированные социальные группы тех, кого нельзя было высечь, потому что они обладали словным *достоинством* и *самоценностью*, появляются в России лишь в конце XVIII века. Жалованная грамота дворянству от 21 апреля 1785 года постановляла, что «телесное наказание да не коснется благородного». В том же году это изъятие было распространено на купцов первых двух гильдий и именитых граждан, а в 1796 году – на священнослужителей.

На детей независимо от их происхождения льготы не распространялись. Бесправные и сами неоднократно поротые воспитатели с особым удовольствием вымещали свою ярость на беззащитных детях. Библейские правила: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его»; «Не оставляй юноши без наказания; если накажешь его розгою, он не умрет»; «Розга и обличение дают мудрость; но отрок, оставленный в небрежении, делает стыд своей матери» (Притчи Соломоновы 13:24, 23:13, 29:15) – были очень популярны в древнерусской педагогике. «Изборник» 1076 года учит, что ребенка нужно с самого раннего возраста «укрощать», ломать его волю, а «Повесть об Акире Премудром» (XII век) призывает: «...от биения сына своего не воздержайся» (цит. по: Долгов 2006). Педагогика «сокрушения ребер» подробно изложена в «Домострое» (1990: 134–136), учебнике семейной жизни, сочиненном духовником Ивана Грозного протопопом Сильвестром: «Наказывай сына своего в юности его, и успокоит тебя в старости твоей. И не жалея, младенца бия: если жезлом накажешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти. Если дочь у тебя, и на нее направь свою строгость, тем сохранишь ее от телесных бед: не посрамишь лица своего, если в послушании дочери ходят <...> Понапрасну не смейся, играя с ним (дитем. – *И. К.*): в малом послабишь – в большом пострадаешь скорбя. Так не дай ему воли в юности, но пройдишь по ребрам его, пока он растет, и тогда, возмужав, не провинится перед тобой и не станет тебе досадой и болезнью души, и разорением дома, погибелью имущества, и укором соседей, и насмешкой врагов, и пеней».

Суровые авторитарные нормы, с упором на телесные наказания, разделяет и народная педагогика. «За дело побить – уморазуму учить»; «Это не бьют, а ума дают»; «Какой ты есть батька, коли твой детенок и вовсе тебя не боится»; «Люби детенка так, чтобы он этого не знал, а то с малых лет приучишь за бороду себя тас-

кать и сам не рад будешь, когда подрастет он»; «Жалеть сына – учить дураком»; «Ненаказанный сын – бесчестье отцу»; «Поменьше корми, побольше пори – хороший парень вырастет» (Холодная 2004: 170–177; Морозов, Толстой 1995: 177–180).

Даже в петровскую эпоху, когда педагогика «сокрушения ребер» стала подвергаться критике, строгость и суровость остаются непререкаемой нормой. Лишь в XVIII веке в русской педагогике появляются новые веяния, причем изменение отношения к отцовской власти было тесно связано с критическим отношением к власти государственной. Однако подобные взгляды были не правилом, а исключением. Как убедительно показывает Б. Н. Миронов (2000), русская семья и в XIX веке оставалась патриархальной и авторитарной. Рукоприкладство и грубое насилие просто маскируются под телесные наказания. Эта тема широко представлена в сатирической поэзии XIX века, например у В. С. Курочкина: «Розги – ветви с древа знания! // Наказанья идеал!..» (Поэты... 1955: 181).

Особенно нещадно пороли семинаристов, что выражалось даже в их своеобразной поэзии (Позднеев 2001). Художественно яркое и исторически достоверное описание семинарских нравов дал в «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловский (1835–1863), который во время обучения в церковной школе сам был наказан 400 раз и даже задавал себе вопрос: «Пересечен я или еще недосечен?»

В государственных гимназиях и кадетских корпусах все выглядело более благопристойно, но телесные наказания, подчас крайне жестокие, практиковались и там. В заметках «О народном воспитании» А. С. Пушкин (1962: 358) писал, что «кадетские корпуса, рассадник офицеров русской армии, требуют физического преобразования, большого присмотра за нравами, кои находятся в самом гнусном запущении», и особо подчеркивал, что «уничтожение телесных наказаний необходимо. Надлежит заранее внушить воспитанникам правила чести и человеколюбия. Не должно забывать, что они будут иметь право розги и палки над солдатом. Слишком жестокое воспитание делает из них палачей, а не начальников».

В первых дворянских гимназиях розги вообще не применялись, но при Николае I их восстановили. По упоминавшимся выше данным Пирогова, который был убежденным противником розог, в Киевском учебном округе в 1857–1859 годах розгам подверглись от 13 % до 27 % всех учащихся. Многое зависело от личного вкуса директоров гимназий: в 11 гимназиях в течение

года был высечен каждый седьмой, а в житомирской гимназии – почти каждый второй гимназист! По-разному выглядят и кадетские корпуса (Кон 2009).

Большая часть конкретных данных описывает физические наказания мальчиков. Судя по воспоминаниям о жизни в женских пансионах и институтах благородных девиц, таких массовых и жестоких порок, как в мужских учебных заведениях, там не было. Девочек наказывали не столько физически, сколько морально, унижая их достоинство (Институтки... 2001). Что же касается семейных практик, то они целиком зависели от сословных норм и индивидуальных особенностей родителей. Там, где регулярным избиением подвергалась женщина-мать, дочери и подавно не имели в этом отношении иммунитета.

В середине XIX века против телесных наказаний детей и взрослых началась активная кампания, палочную дисциплину прямо связывали с крепостным правом. Особенно важной в этом плане была деятельность Пирогова. В знаменитой статье «Нужно ли сечь детей?» (1858 год) Пирогов доказывал, что применение розог антипедагогично, что телесные наказания уничтожают в ребенке стыд, развращают детей и должны быть отменены. Для официального русского общества этот взгляд был слишком смелым, и это побуждало Пирогова к сдержанности. В циркуляре по Киевскому учебному округу (1859 год) Пирогов, принципиально отвергая розгу, тем не менее считает невозможным полностью обойтись без нее и лишь советует применять ее в гимназиях нечасто и в каждом отдельном случае по постановлению педагогического совета. Н. А. Добролюбов язвительно высмеял этот циркуляр.

После манифеста 19 февраля 1861 года, который саму отмену крепостной зависимости объяснял «уважением к достоинству человека и христианской любовью к ближним», телесным наказаниям взрослых вроде бы не осталось места, указом 17 апреля 1863 года (день рождения Александра II) они были отменены. Главными инициаторами нового закона были князь Н. А. Орлов, великий князь Константин Николаевич, сенатор Д. А. Ровинский, обер-прокурор московских департаментов Сената Н. А. Буцковский, военный министр Д. А. Милютин. Ссылаясь, в частности, на христианские ценности, они утверждали, что телесные наказания действуют разрушительно на народную нравственность; поражают в наказываемом всякое чувство чести; мешают развитию личности; не соответствуют ни достоинству человека, ни духу времени, ни

успехам законодательства; ожесточают нравы и устраняют возможность исправления. Однако самый авторитетный в то время иерарх православной церкви – митрополит Московский Филарет (Дроздов) (1782–1867) эту точку зрения не поддержал. В записке «О телесных наказаниях с христианской точки зрения» от 13 сентября 1861 года Филарет доказывал, что наказания вообще, не исключая и телесных, нравственности в людях не разрушают. «Преступник убил в себе чувство чести тогда, когда решился на преступление. Поздно в нем щадить сие чувство во время наказания. Тюремное заключение виновного менее ли поражает в нем чувство чести, нежели телесное наказание? Можно ли признать правильным такое суждение, что виновный из-под розог идет с бесчестьем, а из тюрьмы – с честью? Если какое сознание подавляет виновного, производит в нем упадок духа и тем препятствует ему возвыситься к исправлению, то это сознание сделанного преступления, а не понесенного наказания» (Филарет 1887: 131–132).

У известного русского историка, автора «Истории телесных наказаний в России» Н. Евреинова страстное выступление митрополита Филарета в защиту телесных наказаний вызвало «недоумение» и негодование, однако патриарх Алексей I с этой позицией полностью солидаризировался (Святейший... 2005).

К счастью, Александр II к Филарету не прислушался. Новый закон отменил шпицрутены, плети, кошки, наложение клейм, но в качестве уступки временно сохранил розги, равно как и сословные различия. От телесного наказания были полностью освобождены женщины; духовные лица и их дети; учителя народных школ; окончившие курс в уездных, земледельческих и тем более в средних и высших учебных заведениях; крестьяне, занимающие общественные должности по выборам. Розга была сохранена для крестьян по приговорам волостных судов; для каторжников и сосланных на поселение; в виде временной меры, до устройства военных тюрем и военно-исправительных рот, для солдат и матросов, наказанных по суду.

Частичная отмена телесных наказаний взрослых благоприятно сказалась и на школьниках. Либеральный школьный устав 1864 года расширил права педагогических советов и отменил телесные наказания. Важным достижением стало появление частных школ и гимназий, которые были свободнее и мобильнее государственных. Тем не менее во многих приходских и сельских школах телесные наказания не исчезли даже в начале XX века, причем скандалы и судебные дела возникали лишь в случаях экстраординарной жестокости.

Еще больше индивидуальных вариаций было в семейном быту. В некоторых семьях детей не пороли, зато в других били регулярно, и общественное мнение принимало это как должное. Например, из 324 опрошенных Д. Н. Жбанковым в 1908 году московских студентов 75 сказали, что дома их секли розгами, а к 85 применяли другие физические наказания: долговременное стояние голыми коленками в углу на горохе, удары по лицу, стеганье пониже спины мокрой веревкой или вожжами. Причем ни одна из опрошенных не осудила родителей за излишнюю строгость, а пятеро даже сказали, «что их надо было драть сильнее» (Жбанков 1908).

Советская Россия

Официальная советская педагогика с самого начала считала телесные наказания детей независимо от их пола и возраста неприемлемыми и недопустимыми. Во всех типах учебных заведений они были категорически запрещены. Даже в военные годы, когда проблемы школьной дисциплины, особенно в мужских школах, стали чрезвычайно острыми, в Инструкции о применении поощрений и наказаний в школах, разработанной Управлением начальных и средних школ на основе приказа Народного Комиссариата Просвещения РСФСР № 205 от 21 марта 1944 года «Об укреплении дисциплины в школе», запрет формулировался однозначно.

Однако на практике эти нормы применялись далеко не всюду и не всегда. Хотя полномасштабной «ритуальной» порки в советской школе не было и быть не могло, подзатыльники, щипки и шлепки раздавались учителями и воспитателями довольно часто (особенно грешили по этой части военруки и физруки). Много зависело от особенностей учебного заведения, социального происхождения учащегося и от того, готовы ли были родители его защищать.

Что касается семьи, то здесь почти все оставалось в руках родителей. Советская власть жестко преследовала любые идеологические девиации, например если ребенок высказывал крамольные политические взгляды или если религиозные родители не разрешали ему/ей вступать в пионеры или комсомол. Домашнее насилие замечали гораздо реже, только если оно было слишком явным, оставляло заметные следы на теле ребенка или если он сам или соседи куда-то жаловались. В таких случаях вмешивались органы опеки или милиция, но мотивировалось это вмешательство не телесными воздействиями как таковыми, а исключительно их чрезмерной жестокостью.

В нормативной житейской педагогике запрет телесных наказаний также порой подвергался сомнению. Чаще всего при этом ссылались на авторитет А. С. Макаренко – известный эпизод из «Педагогической поэмы», когда Антон Семенович ударил своего воспитанника Задорова, и это только повысило его авторитет среди колонистов. Следует подчеркнуть, что сам Макаренко всегда очень эмоционально и искренне открещивался от подобной интерпретации своего педагогического опыта.

Однако повседневная жизнь не считалась с теориями. Профессиональных опросов на эту тему в советское время не было, но когда в конце 1980-х годов журналист Н. Н. Филиппов (1988а; 1988б) с помощью педагогической общественности провел анонимное анкетирование семи с половиной тысяч детей от 9 до 15 лет в 15 городах страны, оказалось, что 60 % родителей использовали в воспитании своих детей телесные наказания; 86 % среди этих наказаний занимала порка, 9 % – стояние в углу (на коленях – на горохе, соли, кирпичках), 5 % – удары по лицу и по голове. Иногда наказание за проступки трудно отличить от простого избияния и сексуального насилия (унизительно оголяют, бьют по половым органам и т. п.).

Характерно, что многие дети, как поротые, так и непоротые, считали этот стиль воспитания нормальным и собирались в будущем, когда вырастут, бить собственных детей.

Мемуарная и художественная литература также рисует очень пеструю картину. В некоторых семьях детей никогда не били, зато в других порка была повседневной, причем многие взрослые вспоминают ее без раздражения, как что-то само собой разумеющееся.

Воспоминания мальчиков

Знаменитый дрессировщик В. М. Запашный (1928–2007), родившийся в цирковой среде и с раннего детства выступавший на арене (начинал как акробат): «Гулять было некогда. Если удавалось вырваться и поиграть в казаки-разбойники, это казалось счастьем. Но и тут надо было знать меру: придешь домой вспотевший – не миновать порки... Потому что, во-первых, перед работой нельзя уставать, а во-вторых, артисту нельзя простужаться» (Запашный 2007).

Писатель Ю. Петров (родился в 1939 году): «Самое главное воспоминание – это постоянный голод и чувство страха, что влетит от строгой мамы. Голод не потому, что дома еды нет, а потому, что после школы, иногда даже не заходя домой, я заруливал с друзьями

в какие-нибудь пампасы... Вечером за это меня, разумеется, ждала порка... Мама увлекалась, до собственных слез вымещая на мне всю свою тревогу за меня, беспутного... Бедная мама. А сколько я раз убегал из дома! И это все на ее нервах. Я почему-то этого не понимал. Может, оттого, что она была очень сдержанна в проявлениях любви?» (Петров 2002).

Интересное описание порки как нормы повседневной жизни и обязательного ритуала мальчишества в рабочем районе позднесоветского Ленинграда дает анонимный автор «ременного» сайта (сохраняю орфографию оригинала):

«Так же делом чести “настоящего мальчишки”, да и “своей в доску девчонки” считалось быть неистощимым в выдумках и реализации всяческих проделок, т. е. “искать себе на жопу приключений” в переносном и прямом смысле этого слова. В прямом, потому что, по моим оценкам, на Петроградской порка регулярно применялась в 75 % семей, а в районе за Черной речкой этот процент, как мне кажется, переваливал за 90. Во всяком случае, в том классе, где я проучился с 4-го по 8-й, не пороли только одного мальчишка (и это среди 40 детей). Даже учителя в том районе вслух говорили о порке, как об обычном наказании для ребенка.

Нас она не угнетала, она было привычной <...> было что-то родовое, надежное. Если ты мальчишка, то ясное дело, что раз в неделю ты будешь выпорот: дневник-то на подпись родителям надо раз в неделю давать, а что у настоящего мальчишки в дневнике? – ясно, что есть двойки и замечания, ну и ясно, что за это бывает... Над выпоротыми не смеялись. Смеялись над теми, кого наказывали иначе... Смеялись как над “тогочками” и трусами над теми, кто боялся порки и говорил “я в этой проказе участвовать не буду, меня за это выпорют”, над теми, кто просил перед поркой прощения и снисхождения, даже над теми, кто пытался оправдываться перед поркой, над теми, кто вырывался, кричал и плакал во время порки – все это считалось признаком изнеженности и трусости. А кто, натворив что-то, на следующий день на вопрос: “Что тебе за это было?” отвечал: “Пустяки... Влепили 25 пряжек (а зачастую называлась цифра и большая). Ерунда... Я и не шелохнулся” – над тем не смеялись, тот считался героем.

...Подать ремень, спустить штаны и самому покорно лечь под порку (как я всегда делал, да и многие тоже) не унижительно. Чего уж унижительно, если все равно будешь выпорот... А так по крайней мере делом можешь выразить признание вины и раская-

ние, если их чувствуешь, или, по крайней мере, показать, что у тебя достаточно силы воли преодолеть свой страх перед поркой...

Родители одного моего одноклассника были в разводе, и он жил с мамой, которая считала, что раз парень растет без отца, так мать должна быть с ним особенно строга. От такой строгости этот мальчишка был “чемпионом” класса по получаемым дома поркам. С работы его мама приезжала всегда в одно время: без десяти четыре. Мама его дневник проверяла каждый день (впрочем, у меня тоже так было, и это, вполне логично, считалось большей строгостью: несколько порок в неделю вместо одной). Так вот, если у этого парня были в дневнике двойки или замечания, то он за 5 минут до прихода мамы ставил к изголовью своей кровати стул, на сиденье стула клал развернутый на странице с двойкой или замечанием дневник, вынимал из своих штанов ремень и вешал его на спинку стула, спускал штаны и ложился на кровать голой попой вверх ждать маму. Я, если был в это время в гостях у него, выходил из деликатности в коридор. Маме, когда она приходила, оставалось только рассмотреть дневник, вынести приговор (а этого парня, как и меня, как и многих других, всегда пороли по счету ударов) и привести его в исполнение. Парень, по крайней мере, избегал еще “ведра” нотаций, которое мама на него могла “вылить”. А вид ремня и готовой к порке попы не провоцировал на нотации, ибо осознание вины и раскаяние было очевидно.

Такая рядоположенность дает еще ощущение “законности”. Ты не игрушка в руках родительского произвола, а объект “правовых отношений”. Есть семейный закон (пусть ты в его разработке и не участвовал). Ты знаешь, что за то-то – от столько ударов до столько, а за другое – другое число. Перед поркой родитель как бы “судит” тебя, вы как бы даже равны перед законом. В каком-то смысле он даже не может тебя не пороть... А просить о прощении или снисхождении это как бы разрушать рамки закона и признавать, что ты во власти произвола. На мой взгляд, это очень унижительно».

«Некоторые отцы выполняют свои карательные обязанности истово и с энтузиазмом. Для других это просто ролевое поведение, ритуал, от которого нельзя уклониться».

«Меня используют в качестве, так сказать, орудия возмездия и некоторого фактора карающего меча правосудия. Карающего меча, когда нужно накричать, когда он уже, так сказать, всех довел, когда нужно выключить игру, когда нужно нахлопать по заднице и т. д. и т. п.».

«...Я никогда не пытался карать их, шуметь мог, кричать, вроде как делать грозный вид. Если они там делали что-то не так, сначала я должен был вот... хотя бы вид сделать, что я грозный, я ругаюсь. Это функция отца. Все их шалости не должны проходить бесследно. Тем не менее, я всегда примерял это все на себя, что он делает, и всегда пытался войти в их шкуру. Я всегда понимал, что они не делают ничего из ряда вон выходящего, я такой же. Поэтому я делал вид, что я наказываю, а так я их всегда понимал» (Рыбалко 2006: 236–241).

Воспоминания девочек

Если в центре мальчишеских воспоминаний стоят соображения «справедливости» и собственной «крутизны», то воспоминания девочек, хронологически более поздние и размещенные на другом сайте, выглядят более эмоциональными и часто негативными.

Светлана

«Мне 15 лет. Раньше меня вроде и не шлепали даже, ну разве так, чуток совсем, когда маленькая была. В угол иногда ставили. Первый раз меня выпорола мама в 9 лет. Теперь знаю, что это очень поздно. Почти всех, с кем тут говорила, пороли намного раньше. Я узнала, что некоторых пороли уже с 5 лет.

Мама порола в первый раз за то, что прогуляли половину уроков с подружкой. И еще я соврать успела, что все, порядок в школе. Так бы, может, и не били, если б честно призналась. В тот раз я вообще боялась, что мне предстоит весь остаток дня в углу простоять. Это перед тем как я поняла, что она меня накажет ремнем.

Мама завела в комнату, велела спустить штаны и лечь на кровать. Отец был в другой комнате, но с самого начала знал, зачем мама меня повела в комнату. Наверно, лучше меня знал, что меня ждет. Перед тем, как начать порку, мама сказала типа того, “ну вот, пора тебе узнать, что такое ремень”...

После того, как мама закончила порку, я еще долго редела. Но как-то болеть сильно вроде быстро перестало. Сидеть могла, но чувствовала, что больно.

Потом до 14 лет было еще 4 порки, и они запомнились так же, как первая. Было очень сильно больно!!! Но все эти наказания были справедливы, я их заслужила и на маму не обижаюсь».

Дарья

«Я была очень маленькая, но помню все прекрасно! Мне было всего 4 года. Я взяла деньги без разрешения и купила в магазине

огромный кулек конфет, чтобы весь двор угостить сладеньким. До сих пор удивляюсь, как продавцы мне продали? Хотя, наверное, ничего странного, я была хорошей девочкой и очень рано стала самостоятельной. Ведь за хлебом меня сами родители отправляли, магазин был практически во дворе дома. Мама увидела меня, когда я вышла из магазина.

Она привела меня домой. Конечно, объяснила, что я сотворила, – фактически украла деньги у мамы с папой. Это был очень серьезный проступок в ее глазах (да, собственно говоря, так оно и есть).

На мне было платьице. Я даже помню, какое именно, потому что этот эпизод очень сильно врезался мне в память. Платьице было синенькое в мелкий беленький горошек. А трусики – беленькие. И беленький воротничок, и беленький фартучек. Мама мне шила красивые фартучки, я любила помогать по дому.

Я стояла в углу и упиралась, не хотела снимать трусики. Хотя я всегда была очень покладистым и послушным ребенком! Она сказала, что если не спустишь трусики, то получишь еще сильнее. Мне было очень страшно. Я ее не понимала. Я просила прощения и обещала, что больше никогда не возьму денег. Но она была непреклонна».

Анастасия

«Мне сейчас 17 лет. Когда я была маленькая, то, как и все дети, делала то, что категорически запрещали делать. А также была дико капризной. Когда мама не справлялась словами, переходила к ремню. Мама всегда шлепала меня ремнем только за очень серьезные проступки. Теперь точно знаю – так мне и надо!

Не всегда ремнем, бывало, и прыгалками, тем, что первое под руку попадет. Прыгалки резиновые, бьют ощутимо. Всегда меня пороли стоя, не знаю, почему, наверно, были какие-то причины. Может, лучше чувствуется. И когда прыгалками стегали, то тоже снимали штаны».

Наталья

«Расскажу, как наказывали поркой в семье моих знакомых. Раньше я бывала нянькой в этой семье и с родителями дружна. Их семья верующая. Делалось это на ночь после того, как дети уже умылись. Малышу было 7 лет, девочке 3 года, я не знаю, наказывают ее или нет. Ребенок знал, что он провинился днем и его ждет порка. Знает этот малыш и то, что его очень любят, и именно пото-

му его накажут. Перед тем, как лечь спать, с него просто сняли штанишки и отшлепали ремешком.

При этом отец сказал, что он не хотел сына наказывать, но сын виноват и должен быть наказан, т. е. наказание должно быть не сгоряча, а обдуманно...

Мама поддерживала в этом папу и говорила сыну: «Я тебя очень люблю, и не хотела бы, чтобы тебя папа шлепал ремешком, но ты провинился и тебя нужно наказать». На самом деле очень важно, когда родители в своих требованиях к ребенку выдерживают одинаковую позицию.

Я сама тоже приемлю их вариант наказаний. Считаю, что наказание должно быть не сразу, а обдуманным и вечером. Однако меня саму в детстве пороли сразу».

Мария

«Я старший ребенок в семье, и наказывать ремнем начали лет с 7–8. Лупили начиная с оговорок (мое воспитание было очень строгим) и заканчивая опозданием с прогулки на 5 минут, цветом моей помады.

Еще тогда я поняла, что я не особо желанный ребенок и моя беда в том, что я одинаково похожа на родителей. Внешне на обоих, характером больше на отца. Поэтому желание его было – сломить. Его мать очень властная женщина, сама воспитанная в строгости, довлекла на него, но и помогала ему всю жизнь. Так как мои родители военнослужащие и часто были в разъездах, то большую часть времени до 6 лет я была с бабушкой. Только относилась она ко мне лучше, чем к своему сыну. Может, это зависть отца, может, злоба на мать, но отношение его ко мне было ненавистным. Иногда это были взрывы эмоций со стороны отца, и использовалось все, что попадалось под руку. Иногда конкретное наказание за что-либо.

Могу сказать по себе, что потом боязнь ремня и боли проходит. Начинается «вызов» родителям, что я вот такая и даже ремнем мою дурь не выбить! Тогда отец решил, что если оставить явные следы порки и побоев на видимых частях тела, то такие действия меня точно напугают. Следы от ремня и потом от прыгалки остались на лице, кистях рук. Следы на моем теле его никогда не смущали. За следы и другие свои действия стыдно ему никогда не было. Это был скорее способ унижить и показать мне, кто прав».

Несмотря на гендерные особенности восприятия, эти девочки и мальчики оказались посетителями «ременного» сайта, который по-

сторонние едва ли посещают. Это значит, что пережитая в детстве порка имела долгосрочные психосексуальные последствия и способствовала развитию определенной зависимости.

В 1980-х годах заговор молчания вокруг телесных наказаний «прорвали» знаменитый детский хирург С. Я. Долецкий и писатель и педагог С. Л. Соловейчик, к которым вскоре присоединился замечательный детский писатель и правозащитник А. И. Приставкин.

Современная Россия

В постсоветской России картина остается противоречивой. С одной стороны, налицо заметное усиление критического отношения к телесным наказаниям, причем не только как к проявлению насилия и жестокости, но и принципиально. С другой стороны, обнищание и общая криминализация страны способствуют росту насилия и по отношению к детям. Отличить реальный рост такого рода поступков от иллюзий массового сознания, склонного ностальгически идеализировать прошлое («раньше все было хорошо, а теперь детей насилуют и избивают»), зачастую трудно. Тем более что власть и оппозиция играют на одной и той же площадке и пользуются теми же самыми аргументами, только «виновники» у них разные. Коммунисты и демократы-западники говорят об ужасающем росте насилия над детьми, чтобы показать, до чего довел страну «путинский режим». Церковники и ультранационалисты используют те же цифры для компрометации «гнилого либерализма», «растленного Запада» и «лихих 90-х». А чиновники и депутаты, вместо того чтобы ответить, почему за годы их правления обращение с детьми ухудшилось, с помощью тех же данных доказывают, как сложны стоящие перед ними задачи и как истово они заботятся о детях своих избирателей. «Защита детей» – лучший способ отвлечь внимание населения от провалов государственной политики.

Если даже официальная криминальная статистика о сексуальных преступлениях против детей, которая может и должна строиться по четким статьям Уголовного кодекса, ненадежна и недостоверна (Кон 2010: 463–468), чего ждать от думских и правительственных комиссий, отчеты которых вообще не поддаются проверке в силу их непрофессиональности? Кем и как получены исходные данные, как правило, неизвестно. Я не берусь оспаривать приведенные в начале этой статьи цифры, но не исключаю и того, что часть их них – пропагандистские страшилки. Критиковать их не только трудно, но и опасно. Если ты скажешь, что цифры преуве-

личены, тебя сразу же обвинят в ненависти к детям и потворстве насилию над ними. А если сказать, что они преуменьшены, причем насилие над детьми ежегодно растет независимо от социально-экономического состояния страны и изменений законодательства, получается не только безнадежный пессимизм, но и «русофобия»: чего можно ждать от народа, состоящего наполовину из садистов?

Проводимые независимыми общественными и научными организациями массовые опросы кажутся более объективными, но в них тоже немало неясностей и противоречий.

Степень распространенности телесных наказаний

Из взрослых респондентов ФОМ (опрос 2004 года) не испытали физических наказаний 27 %, испытали – 40 %. «Били тем, что было под рукой», «веревкой, палкой», «крапивой или прутиком», «офицерским ремнем». Однако когортные показатели определенно говорят о смягчении нравов: среди 18–24-летних непоротых оказалось 33 %, а среди 55–64-летних – лишь 18 % (Преснякова 2004). Это соответствует общей тенденции уменьшения физического насилия, отмечаемой исследователями (Назаретян 2009).

В позднейшем опросе ФОМ (2008 год) о пережитых телесных наказаниях упомянул каждый второй взрослый респондент, причем 16 % из них наказывали часто и 33 % – редко. Мальчиков наказывают значительно чаще, чем девочек: совсем не наказывали 40 % мужчин и 55 % женщин, часто – 20 и 12 %, редко – 37 и 29 % соответственно. Мнение, что сегодня в России нет родителей, которые бы физически наказывали своих детей, поддержали лишь 2 % участников опроса. Но 52 % мужчин и 32 % женщин считают, что их пороли заслуженно. Сравнивая сегодняшнюю ситуацию с периодом своего школьного детства, 26 % опрошенных предположили, что сейчас детей физически наказывают реже, 17 % – что чаще, 17 % – что в этом вопросе мало что изменилось; остальные затруднились ответить (Педагогический... б. г.).

Интерпретируют эти предполагаемые сдвиги также по-разному. Одни (5 %) считают, что «раньше строже относились к детям», а сейчас их «больше жалеют, балуют». Другие говорят, что «изменились подходы к воспитанию»; «сейчас как-то не принято бить детей»; «нецивилизованные методы – так все считают»; «больше уговаривают». Некоторые видят в этом признак возросшего уровня педагогической и общей культуры родителей: «более грамотные родители»; «более педагогически грамотные»; «люди стали цивили-

лизованнее»; «повышается культурный уровень» (3 %). Другие 3 %, наоборот, считают это свидетельством невнимания, наплева- тельского отношения к детям: «безразличия больше со стороны родителей: чем бы дитя ни тешилось...»; «взрослым не до детей, ра- ботают»; «вообще не заботятся о детях»; «их не воспитывают, они брошены по улицам, бегают по помойкам»; «наплевать на детей». Отдельные респонденты полагают, что причиной перемен в методах воспитания являются не столько родители, сколько сами дети: «дети сами не позволяют так с ними поступать»; «дети стали знать свои права»; «дети стали умнее, лишний раз их не тронешь»; «дети рани- мы, очень грамотные сейчас, могут и отпор сделать» (2 %).

По данным исследования по заказу Фонда поддержки детей в апреле – мае 2009 года (репрезентативная общероссийская выбор- ка, 1225 респондентов в возрасте от 16 до 44 лет)², 51,8 % опро- шенных родителей признались, что прибегали к физическому нака- занию «в воспитательных целях», причем 1,8 % делали это часто, 17,8 % – иногда, а 31,4 % – редко; женщины прибегают к физиче- скому наказанию детей чаще, чем мужчины (доля женщин – 56,8 %, доля мужчин – 44,5 %). Авторы связывают это с тем, что матери чаще берут на себя ответственность за воспитание детей. На распространенность телесных наказаний, насилия в семье боль- ше всего влияют два фактора: уровень дохода и уровень образова- ния. Среди обеспеченных респондентов уровень распространения физических наказаний намного ниже, чем среди бедных (соответ- ственно 40,1 % и 62,6 %). Более образованные респонденты реже применяют физическое наказание, чем необразованные.

Интересное региональное исследование из нескольких блоков проведено саратовским Центром социальной политики и гендер- ных исследований (Ярская-Смирнова и др. 2008)³. В 2006 году в трех городах России (Ижевск, Самара, Саратов) были проведены уличный экспресс-опрос горожан, анкетирование школьников и родителей, а также интервью со специалистами. В экспресс-опросе приняли участие 1783 человека, в том числе 842 родителя несо- вершеннолетних детей. Позже в Саратове, Самаре, Ижевске, Каза- ни опросили 700 школьников от 8 до 14 лет и 510 родителей. Ди- зайн выборки подразумевал опрос в каждом городе группы родите-

² Выражаю благодарность Т. А. Гурко за возможность ознакомиться не только с опубликованными выводами, но и с первичными данными этого опроса.

³ Выражаю благодарность Е. Р. Ярской-Смирновой за возможность ознакомиться не только с опубликованными материалами, но и с другими блоками этого опроса.

лей по месту учебы их детей, как правило, на родительских собраниях в школе. Дети опрашивались после занятий – всем классом, причем в каждом городе были обследованы два типа школ – школа в «благополучном» районе и «неблагополучном», по 85 человек в каждом из типов школ. Саратовские социологи пытались разграничить физические наказания (как одну из форм домашней дисциплины) и насилие над детьми. Как правило, люди эти явления различают, понимая под физическим насилием нанесение телесных повреждений, которые причиняют ущерб здоровью ребенка, нарушают его психическое и социальное развитие. Хотя почти 35 % опрошенных взрослых и 61,4 % родителей считают физическое наказание детей просто «формой воспитания», большинство определенно предпочитают более мягкие формы дисциплинирования. Физические наказания (наказание ремнем, подзатыльники, оплеухи) упоминают примерно 18 % респондентов.

Несколькими опросами, проведенными с 1998 года под руководством Н. Д. Шеляпина (не имея доступа к первичным данным, я не могу судить о качестве выборки и методах подсчета), выявлена повышенная склонность к телесным наказаниям в семьях военных и сотрудников милиции (Беловранин, Заостровский 2009). Среди опрошенных петербургских студентов, подвергавшихся дома побоям, 26 % росли в семьях силовиков, именно в них физические наказания носили регулярный характер, а то и превращались в изощренные ритуалы; нередко им подвергались не дошколята, а юноши (а чаще – девушки) до 16–19 лет. Для многих из них порка остается атрибутом повседневной жизни даже в 22 года! Выясняя, кого, как и чем родители били, а если не били, то почему, социологи обнаружили, что практикующие порку штатские папы – чаще всего люди необразованные и пьющие, а в семьях силовиков физическую жестокость при воспитании применяют даже доктора наук. Был составлен и рейтинг орудий наказания. Первое место в этом «хит-параде» занял форменный ремень, силу которого ощутили на себе 75 % исправляемого контингента. На втором месте стоит, казалось бы, вполне мирная скакалка, которая «скакала» по телам 13 % опрошенных, чаще женского пола. На третьем – проверенный веками дедовский прут, набравший около 5 %. Встречаются и более экзотические орудия, например рулон фольги, выбивалка, тапочки, кипятильник, труба от пылесоса, молоток и даже... живая курица! Самое же грустное: 82 % петербургских студентов сказали, что применявшиеся к ним методы телесного воздействия были не-

обходимы, а 61 % – что полностью одобряют битье как способ воспитания. Между прочим, часть этих студентов – будущие педагоги.

Наиболее методологически совершенное и единственное теоретически ориентированное отечественное исследование с применением международно признанного *инструмента измерения дисциплинарного воздействия (ИИДВ) (dimensions of discipline inventory, DDI)* М. Страуса выполнено под руководством А. В. Лысовой во Владивостоке (Лысова, Истомина 2009).

В 2007 году были опрошены 575 взрослых жителей г. Владивостока (51 % женщин), у которых хотя бы один ребенок младше 18 лет проживал вместе с ними большую часть недели. Под *телесным наказанием* авторы понимают применение родителем или замещающим его лицом физической силы с намерением причинить ребенку боль (исключая физические повреждения) с целью коррекции и контроля его поведения. В отличие от физического насилия телесное наказание – чаще всего легитимный акт, который не признается преступлением, редко приводит к телесным повреждениям и психологическим травмам ребенка и считается в обществе приемлемой формой поведения родителей в отношении собственных детей. Выяснилось, что около половины – 46 % – опрошенных родителей применяли телесное наказание к своим детям. Этот показатель близок к данным США, где около 40 % родителей хотя бы раз физически наказывали своего ребенка. Что касается гендерных различий, то, как и в США, матери чаще отцов телесно наказывают детей (50 % опрошенных матерей против 36 % отцов), самая распространенная форма наказания – пощечины и подзатыльники как среди женщин, так и среди мужчин, но мужчины в большей степени, чем женщины, используют для наказания какой-либо предмет, например ремень или палку.

При всех достоинствах исследования Лысовой выборка его невелика и к тому же не является случайной: почти 52 % респондентов имели высшее образование, а такие люди менее склонны применять и одобрять телесные наказания. Для широких обобщений и кросс-культурных сопоставлений этого недостаточно.

А что говорят сами дети? Из опрошенных в 2001 году московских старшеклассников (7–11 классы) только 3,1 % мальчиков и 2,8 % девочек признали, что родители применяют к ним в качестве наказания физическую силу (Собкин 2003). В саратовских исследованиях Е. Р. Ярской-Смирновой на вопрос «Приходилось ли тебе убежать из дома?» утвердительно ответили 5 % опрошенных детей;

на вопрос «Почему?» 14 % заявили, что их дома бьют. На вопрос «Как часто родители бьют тебя?» 2 % детей сказали «часто», 21 % – «редко», 76 % – «никогда». За что бьют? За оценки – 42 %, за плохое поведение – 79 %, просто так – 6 %. 40 % детей признают, что наказание они «заслужили» (Ярская-Смирнова и др. 2008).

Если учесть разницу в возрасте и социальных условиях, детские ответы так же неоднозначны и трудно сопоставимы, как родительские.

Отношение к телесным наказаниям

На вопрос всесоюзной анкеты ВЦИОМ (апрель 1992 года) «Допустимо ли наказывать детей физически?» утвердительно ответили только 16 % россиян, против высказались 58 %. Россияне оказались в этом отношении гуманнее других народов бывшего СССР: телесные наказания детей в то время считали нормальными и допустимыми 24 % эстонцев, 29 % литовцев и 39 % узбеков. Возможно, в России сильнее сказывались тогдашние советские стереотипы. Когда люди начали высказывать собственное мнение, их установки стали более жесткими. При опросе ФОМ в 2004 году телесные наказания детей сочли допустимыми свыше половины – 54 % россиян, против высказались лишь 47 %. Наиболее либеральны москвичи (48 %), молодежь от 18 до 24 лет (50 %) и те, кого в детстве физически не наказывали (52 %). Однако о реальной динамике судить трудно – слишком различны выборки и анкеты. При опросе ФОМ в 2008 году с мнением, что телесные наказания детей школьного возраста «иногда необходимы», согласились 67 %. На вопрос Левада-центра (Зоркая, Леонова 2004) «Имеют ли право родители подростка 13–14 лет наказывать его физически?» утвердительно ответили 37 % (в 2000 году было 27 %), отрицательно – 61 %. Но здесь ограничительным фактором является возраст наказываемых (право – правом, а выпороть подростка не так-то просто).

В опросе Исследовательского центра портала SuperJob.ru (март 2008 года) телесные наказания в общем виде сочли необходимым методом воспитания лишь 9 % россиян. Но «необходимое» и «допустимое» – вещи разные. Некоторые респонденты считают такую меру допустимой лишь в отношении мальчиков. Другие апеллируют к собственному опыту: «Нас же тоже шлепали, и ничего... Выросли нормальными»; «На себе испытала – полезно». Большинство – 61 % – считают «физическое воздействие на детей с воспитательными целями» крайне нежелательным и допустимым только

в исключительных случаях. Принципиально недопустимым телесное наказание детей считают 30 % опрошенных: по их мнению, применение ремня или подзатыльников порождает лишь «негативную реакцию, страх, подавляет самостоятельность», «способствует развитию у ребенка различных комплексов». При этом мужчин, считающих телесные наказания неотъемлемой частью воспитательного процесса, вдвое больше, чем женщин (12 % против 6 %), неприемлемыми их считают 34 % женщин и 25 % мужчин. Чаще других о пользе шлепка и подзатыльника говорят люди старше 50 лет, а наибольшее число их противников – среди молодежи до 20 лет. Категорически против телесных наказаний 25 % россиян, имеющих детей, и каждый третий (33 %) среди бездетных⁴.

Согласно исследованию Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 36,9 % родителей считают, что физическое насилие вредно для детей, но 5,6 % полагают, что «без рукоприкладства» воспитать ребенка нельзя. С трудностями концептуального разграничения «телесных наказаний» и «жестокости обращения с детьми» столкнулись и саратовские социологи: каждый третий опрошенный знает о случаях жестокого обращения с детьми, почти половина считает телесные наказания недопустимыми, треть полагает, что применять их следует в зависимости от ситуации, но один из десяти считает, что бить детей можно.

Одна из главных причин распространенности телесных наказаний в России – общая «притерпелость» к насилию, жертвами которой являются не только взрослые, но и дети. Самоописания разных поколений зачастую неразличимы. Этому трудно поверить, но к числу убежденных сторонников телесных наказаний относился известный писатель и философ В. В. Розанов, который после окончания Московского университета (1882) одиннадцать лет проработал гимназическим учителем истории и географии и классным наставником. Он рассказывает, что к нему как к последнему прибежищу нередко являлись матери учеников (всегда вдовы) с просьбой наказать розгами (т. е. чтобы это было сделано в гимназии) своего разболтавшегося мальчугана. Поскольку это уже было запрещено «параграфами», педагог рекомендовал обратиться для порки к кому-нибудь из родственников. Никаких нравственных сомнений по этому поводу Розанов не испытывал, ссылаясь на то, что розгами воспитывали и Лютера, и Ломоносова (Розанов 1990: 141–142).

⁴ Данные взяты с сайта SuperJob.ru, URL: <http://faraa.ru/publ/10-1-0-39>

Возможно, отчасти это связано с садистскими наклонностями писателя. Один из бывших учеников так вспоминает его обращение с первоклассниками: «Когда ученик отвечал, стоя перед партой, Вас. Вас. подходил к нему вплотную, обнимал за шею и брал за мочку его ухо и пока тот отвечал, все время крутил ее, а когда ученик ошибался, то больно дергал. Если ученик отвечал с места, то он садился на его место на парте, а отвечающего ставил у себя между ногами и все время сжимал ими ученика и больно щипал, если тот ошибался. Если ученик читал выбранный им урок, сидя на своем месте, Вас. Вас. подходил к нему сзади и пером больно колол его в шею, когда он ошибался. Если ученик протестовал и хныкал, то Вас. Вас. колол его еще больней. От этих уколов у некоторых учеников на всю жизнь сохранилась чернильная татуировка. Иногда во время чтения нового урока <...> Вас. Вас. отходил к кафедре, глубоко засовывал обе руки в карман брюк, а затем начинал производить [ими] какие-то манипуляции. Кто-нибудь из учеников замечал это и фыркал, и тут-то начиналось, как мы называли, избивание младенцев» (Обольянинов 1963: 268).

Но садизм – не обязательное условие порки. А. П. Чехов, которого в детстве отец нещадно порол, чего писатель не забыл и не простил, в рассказе «О драме» описывает сцену порки породственному на дому. Чеховский рассказ – злая сатира на либеральных интеллигентов, которые болтают о высоких материях, а в перерыве готовы высечь беззащитного ребенка.

Сегодня, как и в прошлом, за проблемами повседневности часто скрывается идеология. Недаром вопрос вызывает столь яростные споры. По мнению либералов-западников, телесные наказания – закамуфлированная форма насилия над детьми, которое должно быть законодательно запрещено не только в школе, но и в семье. Коммунисты и православные фундаменталисты (как и по многим другим вопросам, их позиции очень близки) с этим категорически не согласны. Признавая необходимость чадолюбия и заботы о детях, они возражают против ограничения родительской власти, одним из атрибутов которой являются физические наказания. Тамбовский учитель-коммунист на страницах «Советской России» ратует даже за публичные порки детей: «...публичная порка. Да-да, на специально оборудованном месте, специальным предметом и специальным человеком. Уверяю вас, воздействие колоссальное... Физические наказания в семье должны быть официально разреше-

ны». За что? Например, «за раннее начало половой жизни» (Верещагин 2006).

В оценке эффективности конкретных физических наказаний их защитники зачастую расходятся. Светило православной педагогики Т. Шишова, которая называет либерализацию взглядов родителей на проблему наказаний «скарлатиной», призывает разграничивать безобидный шлепок и наказание ремнем. «Это по-настоящему больно и отрезвляет даже самых буйных. Потому и применять его стоит только при тяжелых провинностях» (Шишова 2005). Напротив, бывший питерский омбудсмен И. Михайлов, у которого «мать инспектором милиции была. И все у нее было под контролем», отдает безусловное предпочтение ремню: «...я делал так – раз сказал, два сказал, на третий – двинул. Ремнем! Рукой бить нельзя. Тем родителям, которые все-таки предпочитают воздействие, рекомендую: заведите ремень не очень жесткий, чтобы не отбить ребенку внутренности» (цит. по: Беловранин, Заостровский 2009).

Популярный писатель, профессор МГИМО и ведущий прекрасной телепередачи «Умники и умницы» Ю. П. Вяземский на страницах «Комсомольской правды» и в телепрограмме «Культурная революция» (16.01.2009) также заявил, что «без порки не обойтись»: «Непременно нужно пороть за серьезные провинности. Тарас Бульба убил своего сына Андрия за предательство. И те, кто читает Гоголя, не осуждают его, а считают поступок Тараса правильным. Но! Физическое наказание ни в коем случае нельзя превращать в пытку, в унижение» (Вопрос... 2009). Поскольку в глазах широкой публики он выглядел «типичным интеллигентом», это заявление вызвало страшный скандал в блогосфере, Вяземского стали называть крепостником (приняли его псевдоним за княжескую фамилию), садистом и даже педофилом. Но отношение к телесным наказаниям может быть никак не связано ни с уровнем образованности, ни с психосексуальными особенностями личности. Просто взгляды у этого профессора клерикальные и ультраконсервативные...

Каков итог? О том, что Россия уже вступила на европейский путь либерализации семейной дисциплины, свидетельствуют не только официальные декларации о намерениях и создание должности Уполномоченного при президенте по правам ребенка, но и резко повысившееся внимание СМИ к этим вопросам, а также динамика массового общественного сознания. Однако путь этот долог и противоречив.

Родительские установки и дисциплинарные практики россиян сплошь и рядом не совпадают друг с другом, причем и те и другие весьма разнообразны. Гендерные различия в России практически те же, что и в странах Запада. Матери телесно наказывают детей чаще, чем отцы, зато отцы делают это более сурово, с применением каких-то орудий (порка ремнем против шлепанья). Мальчиков, по видимому, порют больше, чем девочек, но это не является общим правилом, различия здесь скорее качественные, нежели количественные. Хотя и родители, и дети считают телесные наказания средством воспитания, нередко в них проявляются садистские наклонности или они служат средством эмоциональной разрядки взрослых, а некоторые поротые дети навсегда сохраняют пристрастие к спанкингу.

Доказательной макросоциальной статистики степени распространенности и психологических последствий телесных наказаний детей в России нет. К тому же проблема крайне политизирована и идеологизирована. Чтобы совершенствовать российское законодательство, помочь людям осознать издержки традиционных педагогических практик и обеспечить безопасность и благополучие детей, необходимы дальнейшие исследования темы и уточнение на базе международного опыта ее концептуального аппарата.

Литература

Беловранин, А., Заостровский, А. 2009. Уполномоченный по внутренностям. *Новая газета* 25–27 мая (№ 36).

Верещагин, О. Н. 2006. Ювенильная трясина. *Советская Россия* 27 июля (№ 86).

Волкова, Е. Н. (ред.) 2008. *Проблемы насилия над детьми и пути их преодоления*. СПб.: Питер.

Вопрос дня: Пороть или не пороть детей за двойки? 2009. *Комсомольская правда* 11 февраля.

Гетманский, К., Коньгина, Н. 2004. С поркой по жизни. В Канаде родители могут бить детей по закону. В России – бьют без закона. *Известия* 2 февраля.

Григорьев, К. И., Егоренков, А. М. 2006. Клинические и методологические предложения к решению проблемы синдрома жестокого обращения с ребенком в педиатрии. *Медицинская помощь* 2: 3–7.

Данилевский, А. [Б. г.] В. В. Розанов как литературный тип. *Toronto Slavic Quarterly*. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/15/danilevsky15.shtml>

Долгов, В. В. 2006. Детство в контексте древнерусской культуры XI–XII вв.: отношение к ребенку, способы воспитания и стадии взросления. *Этнографическое обозрение* 5: 72–85.

Домострой / сост. В. В. Колесова. М.: Советская Россия, 1990, с. 134–136, 141.

Евреинов, Н. Н. 1994 [1917]. *История телесных наказаний в России. Дополненное статьями, запрещенными старым правительством*. Репринт. Харьков: Прогресс ЛТД.

Жбанков, Д. 1908. Изучение вопроса о половой жизни учащихся. *Практический врач* 27–29: 470–74, 486–90, 503–507.

Жбанков, Д. Н., Яковенко, В. И. 1899. *Телесные наказания в России в настоящее время*. М.: Печатня С. П. Яковлева.

Запашный, В. 2007. Досье. *Комсомольская правда* 29 августа.

Зоркая, Н., Леонова, А. 2004. Семья и воспитание детей: частные изменения или системный сдвиг. *Отечественные записки* 3: 60–75.

Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост. В. М. Бокова, Л. Г. Сахарова. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Кон, И. С.

[Б. г.] Новое о BDSM. URL: http://www.pseudology.org/Kon/Zametki/Novoe_BDSM.htm

2003. *Ребенок и общество*. М.: Академия.

2009. *Мальчик – отец мужчины*. М.: Время.

2010. *Клубничка на березке*. 3-е изд. М.: Время.

Лысова, А. В., Истомина, А. В. 2009. Об измерении родительского поведения по наказанию детей. *Социология: методология, методы, математическое моделирование* 8: 87–106.

Мионов, Б. Н. 2000. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)*: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин. Т. 1, с. 236–281.

Морозов, И. А., Толстой, Н. И. 1995. Битье. *Славянские древности: Этнолингвистический словарь* / под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Институт славяноведения РАН, с. 177–180.

Назаретян, А. П. 2009. Виртуализация социального насилия: знамение эпохи? *Историческая психология и социология истории* 2(2): 150–170.

Обольянинов, В. В. 1963. В. В. Розанов – преподаватель в Вельской прогимназии (письмо в редакцию). *Новый журнал*. Нью-Йорк. Кн. 71, с. 267–269. Цит. по: Данилевский б. г.

Педагогический арсенал: физические наказания. [Б. г.] URL: http://bd.fom.ru/report/cat/home_fam/famil/child_dress/d082025

Петров, Ю. 2002. Соловьиная песня больше соловья. *ЛГ Книжный салон*. URL: http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg482002/Tetrad/art11_9.htm

Позднеев, В. А. 2001. Семинаристская поэзия XIX – начала XX века. *Мужской сборник*. Вып. 1. М.: Лабиринт, с. 197–208.

Поэты «Искры»: в 2 т. Т. 1. Л.: Советский писатель, 1955.

Преснякова, Л. 2004. Трансформация отношений внутри семьи и изменение ценностных ориентиров воспитания. *Отечественные записки* 3: 39–56.

Пушкин, А. С. 1962. *Собр. соч.*: в 10 т. Т. 7. М.: ГИХЛ.

Розанов, В. В. 1990. *Сумерки просвещения*. М.: Педагогика.

Рыбалко, И. В. 2006. «Новые отцы» в современной России: представления мужчин о родительстве. *Вестник Саратовского государственного технического университета* 3: 236–241.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий (Симанский). Митрополит Филарет о Церкви и государстве. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005.

Собкин, В. С. (ред.) 2003. *Проблемы толерантности в подростковой субкультуре*. М.: ЦСО РАО.

Филарет, митрополит Московский и Коломенский. *Собрание мнений и отзывов*. Т. V. М., 1887.

Филиппов, Н.

1988а. Откуда в них эти гены зла? *Семья* 4: 5–7.

1988б. Устыдимся, взрослые! Исповедь наказанных детей специально для родителей. *Семья* 3: 4–6.

Холодная, В. Г. 2004 Отцовское наказание в воспитании мальчика-подростка у восточных славян в конце XIX – начале XX в. *Мужской сборник*. Вып. 2. М.: Лабиринт, с. 170–177.

Шишова, Т. 2005. Наказывать с любовью. *Интернет-журнал Сретенского монастыря* 26 апреля. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/323.htm>

Ярская-Смирнова, Е. Р., Романов, П. В., Антонова, Е. П. 2008. Домашнее насилие над детьми: стратегии объяснения и противодействия. *Социологическое исследование* 1: 57–64.

Schrader, A. M. 2002. *Languages of the Lash: Corporal Punishment and Identity in Imperial Russia*. Dekalb: Northern Illinois University Press.